

*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной
литературы Полтавского
национального педагогического
университета
имени В.Г.Короленко*

Л. Мацапура

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языковой подготовки
иностранных граждан
Харьковского национального
медицинского университета*

ПОЭТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ "СКАЗОК" ЧЕХОВА

("БЕЗ ЗАГЛАВИЯ", "ПАРИ", "САПОЖНИК И НЕЧИСТАЯ СИЛА")

В конце 1880-х годов в журнальной периодике были опубликованы три рассказа Чехова, тесно связанные с жанром литературной сказки. Первая "Сказка" появилась в "Новом времени" 1 января 1888 года и позже получила название – "Без заглавия". Вторая "сказка" – "Сапожник и нечистая сила" была написана по заказу "Петербургской газеты" и опубликована 25 декабря 1888 года. И, наконец, третья "Сказка" увидела свет 1 января 1889 г. в "Новом времени", издаваемом А.С.Сувориним. При подготовке собрания сочинений в 1899 году она была переименована в "Пари".

Указанные произведения не часто привлекали внимание исследователей. Кроме отдельных упоминаний о "сказках" Чехова в монографической литературе, следует выделить две статьи, в которых они анализируются под определённым углом зрения. В частности, В.Я. Звиняцковский рассматривает "сказки" Чехова в контексте критики толстовства [3], а Н.А. Никипелова подходит к оценке рассказов "Пари" и "Сапожник и нечистая сила" с позиций трансформации в них сюжета рождественского рассказа [6]. При этом проблемы целостного анализа "сказок" Чехова, интерпретации их философского смысла продолжают оставаться актуальными.

Все три рассказа Чехова – "Без заглавия", "Сапожник и нечистая сила", "Пари" не относятся к хрестоматийным произведениям писателя и воспринимаются как необычные для его творческой манеры и в жанровом, и в сюжетно-композиционном отношении. В чём-то похожа их творческая история: указанные произведения предназначались для публикации в новогодних выпусках газет. При этом сказочная маркировка присутствует в названии рассказа "Сапожник и нечистая сила", а два других произведения, как уже было отмечено, первоначально имели одинаковые заглавия – "Сказка". Так, готовя к печати рассказ "Пари", писатель постоянно называет его "сказкой". Это название встречается в письмах к А.С. Суворину от 19 и 26 декабря 1888 г.: "К новому году дам сказку"; "К Новому году я постараюсь сделать для вас сказку..." [11, с.93, 104]; "сказка для новогоднего № уже почти готова. 30-го Вы ее получите. <...> Сказка интересная. Строк 400-500" [11, с.106]. В письме к А.Н.Плещееву писатель сообщает: "В новогоднем номере "Нового времени" будет моя сказка" [11, с.108].

Одинаковые названия произведений указывают на их близость. В 1899 году Чехов, готовя к печати собрание сочинений, отделяет одну "сказку" от другой и просит брата Александра нанять кого-нибудь и переписать в "Новом времени" "другую сказку – о миллионерах, державших пари" [12, с.76]. В следующем письме к Ал. П. Чехову – похожее упоминание: "Есть еще другая сказка, касающаяся миллионеров" [12, с.94].

Действие сказки "Без заглавия" отнесено в далекое прошлое – к пятому веку. Пространственные координаты даны довольно условно: основным местом действия является монастырь, окруженный пустыней и отдаленный от города. Автор лаконично изображает жизнь в монастыре: "Монахи работали и молились богу, а их настоятель старик играл на органе, сочинял латинские стихи и писал ноты" [9, с.455]. Повествование течёт неторопливо, но, в отличие от большинства произведений Чехова, пронизано поэтическим мироощущением: "...каждое утро вставало солнце и каждый вечер оно ложилось спать. Утром, когда с росой целовались первые лучи солнца, земля оживала, воздух наполнялся звуками радости, восторга и надежды, а вечером та же земля затихала и тонула в суровых потемках" [9, с.455]. Описание изобилует метафорами, что характерно для поэтики сказки, но не характерно для поэтики традиционного чеховского рассказа. Автор использует характерный для фольклорной сказки приём троекратности, трижды повторяя мысль о том, что "день походил на день, а ночь на ночь". Вначале рассказа эта формула завершает описание природы, подчёркивая привычный ход природных процессов. Однако в описаниях монастырской жизни она выполняет другую функцию – выделяет её однообразие и скуку.

Настоящим событием в жизни отдаленного от людей монастыря стало появление человека, "который оказался горожанином и самым обыкновенным грешником, любящим жизнь". В рассказе отсутствуют имена персонажей, что можно расценивать как минус-прием, подчёркивающий притчеобразный характер повествования. Появление случайного пришельца, заблудившегося в пустыне, нарушает привычное течение монастырской жизни. Именно от него монахи слышали критику в свой адрес: "Ничего вы не делаете, монахи. Только и знаете, что едите и пьете. Разве так спасают душу?" [9, с.456]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что человек, названный грешником, выступает в роли критика монашеской жизни: "Разве смиренный дух. Любящее сердце и веру бог дал вам для того, чтобы вы сидели в четырех стенах и ничего не делали?" [9, с.456].

Чехов не углубляется в обрисовку характеров, он берет необычную ситуацию, подчёркивая, что слова горожанина подействовали на настоятеля, который решил отправиться в город и напомнить о Христе бедным людям, гибнущим "в пороке и неверии". Автор использует цифровую символику, характерную для сказочного повествования, например, в тексте указывается, что настоятель отсутствовал три месяца, а, вернувшись в монастырь, семь дней ничего не ел, не пил, а только плакал. По истечении этого срока он рассказал монахам, о том, что увидел и что понял в городе. А понял он то, "как могуч дьявол, как прекрасно зло и как слабы, малодушны и ничтожны люди" [9, с.457]. Рассказ старика играет важную роль в структуре произведения, поскольку в нём затронута главная его тема – тема привлекательности зла. Как справедливо заметил Б.М. Эйхенбаум, тема раскрывается у Чехова "не автором, а самими действующими лицами (часто именно не действующими, а только разговаривающими лицами)" [13, с.233].

В рассказе настоятеля монастыря о городской жизни и, в частности, о посещении публичного дома, "куда он попал по несчастной случайности", четко выражены две противоположные тенденции – резкого осуждения и нескрываемого восхищения тем, что он увидел. Так, наряду с гневным осуждением похоти, разврата, безграничной и безмерной свободы, в речь старика вклиниваются лирические нотки: "А вино, чистое, как янтарь, подернутое золотыми искрами, вероятно, было нестерпимо сладко и пахуче, потому что каждый пивший блаженно улыбался и хотел еще пить" [9, с.458]. Такую же двойственность оценок наблюдаем и в описании блудницы, которая характеризуется как "гадина <...>, бесстыдная и наглая", но вместе с тем о ней сказано: "Трудно найти в природе и представить

себе что-нибудь более прекрасное и пленительное" [9, с.458]. Указанные детали не случайны в тексте повествования. Они объясняют финал произведения, краткий и подчёркнуто анекдотичный: "описав все прелести дьявола, красоту зла и пленительную грацию отвратительного женского тела", старик скрылся за дверью, но, проснувшись на другое утро, обнаружил, что в монастыре не осталось ни одного монаха. "Все они бежали в город" [9, с.458].

В литературоведении сложилась традиция интерпретировать рассказ Чехова "Без заглавия" с учётом идейных исканий позднего Толстого. Так, Г. Бердников усматривает в данном произведении полемику с Л.Н. Толстым, указывая, что Чехов не принимал толстовскую христианско-евангельскую проповедь [1, с.223]. В.Я. Звизняцковский детально рассматривает "Сказки" Чехова, созданные в 1888 году, с точки зрения полемики их автора с Толстым и приходит к выводу о том, что в данных произведениях "ставится под сомнение действительность аскетической критики толстовства" [3, с.15]. Подобные интерпретации находим и в работах других исследователей. Например, В.Б. Катаев также указывает на то, что в притче "Без заглавия" Чехов имел в виду проповедничество Толстого, умевшего быть "художником в философии" [4, с.56].

Подобные выводы проясняют историко-литературный контекст восприятия чеховского рассказа "Без заглавия". Однако думается, что с течением времени конкретный историко-литературный фон данного произведения утрачивал свою актуальность. Возможно, Чехов предвидел, что для обычного читателя главным в его "Сказке" станет противопоставление монашеского аскетизма и реальной жизни, со всеми её прелестями, радостями и извечной борьбой добра и зла. Автор уходит от прямых ответов на поставленные в произведении вопросы, не выступает в роли учителя-наставника подобно герою рассказа – старику-настоятелю. Он предоставляет читателю самостоятельно сделать выводы. Подобная авторская позиция подчёркивается при помощи названия, нетипичного для традиций русской литературы – "Без заглавия". Обычно в финале традиционной сказки порок наказан, добродетель торжествует, борьба между добром и злом завершается победой добра. У Чехова наблюдаем пародию на подобные финалы.

С темой аскетизма тесно связана и другая чеховская "сказка", известная под названием "Пари". На первый взгляд, мотив пари является в ней основным и структурообразующим, поскольку все сюжетные линии рассказа тесно с ним связаны. В отличие от предыдущей "сказки" время её действия максимально приближено к современности и чётко конкретизировано. Начало сюжетного действия в рассказе "Пари" отделено от его завершения пятнадцатью годами – с 12 часов 14 ноября 1870 года до 12 часов 14 ноября 1885 года.

В первой части рассказа даётся предыстория событий – воспоминания старика-банкира о том, как пятнадцать лет назад он давал вечер, на котором разгорелся спор: что является более гуманным – смертная казнь или пожизненное заключение. Автор максимально противопоставляет точки зрения банкира и юриста, который признался, что если бы ему предложили выбирать между казнью и пожизненным заключением, он выбрал бы второе: "Жить как-нибудь лучше, чем никак" [10, с.229].

Заключение пари, как правило, является одним из напряжённых моментов в развитии действия, а герои, которые его заключают, относятся к типу игрока. Вспомним пари между Печориным и Вуличем в главе "Фаталист" в лермонтовском романе "Герой нашего времени". Диалог между героями в данном эпизоде отличается краткостью. "– Предлагаю пари <...>. Утверждаю, что нет предопределения...", – говорит Печорин.

"– Держу, – отвечал Вулич глухим голосом" [5, с.582].

Сравним данный эпизод со сценой заключения пари в рассказе Чехова: "Держу пари на два миллиона, что вы не высидите в каземате и пяти лет. <...> Держу пари, что высидите не пять, а пятнадцать!" [10, с.230]. Диалог чеховских героев при всей его лаконичности свидетельствует о накале страстей. Как и в сказке "Без заглавия" автор умышленно не

называет имён героев рассказа, подчёркивая, таким образом, его притчеобразный характер. Каждый из героев должен был чем-то пожертвовать: один деньгами – двумя миллионами, другой – свободой. "И это дикое, бессмысленное пари состоялось!", – восклицает автор [10, с.230]. Заметим, что присутствовавшие при заключении пари в главе "Фаталист", догадавшись о попытке Вулича испытать судьбу, воспринимают её как сумасшествие: "Послушай, это сумасшествие! – закричали ему" [5, с.582]. В рассказе "Пари" заключённая между героями сделка по мере приближения срока её окончания кажется банкиру вздором и бессмыслицей. Он вынужден признать, что с его стороны это была "прихоть сытого человека, а со стороны юриста – простая алчность к деньгам..." [10, с.230]. Разорившись, он будет сожалеть о заключении сделки. "Проклятое пари!", – скажет банкир и выработает план уничтожения человека, которому он должен заплатить два миллиона.

В первой части рассказы детально описаны годы пребывания юриста в добровольном заключении. Спасение от одиночества и скуки он ищет в музыке, в чтении книг, в частности в чтении Евангелия, в изучении иностранных языков. У читателя создаётся впечатление, что, заключив подобную сделку, герой ушёл от мирской суеты, что он ведёт жизнь праведника, поскольку все его усилия нацелены на внутреннее самоусовершенствование. Создаётся иллюзия, что аскетизм – это позитивное явление, поскольку интенсивная духовная жизнь без него немислима. Однако данная иллюзия очень быстро рассеивается.

Автор показывает обратную сторону аскетизма. Он детально описывает внешность человека, который пятнадцать лет просидел в добровольном заточении. Портрет узника дан в восприятии банкира: "За столом неподвижно сидел человек, не похожий на обыкновенных людей. Это был скелет, обтянутый кожей, с длинными женскими кудрями и косматой бородой. Цвет лица у него был желтый, с землистым оттенком, щеки впалые, спина длинная и узкая, а рука, которою он поддерживал свою косматую голову, была так тонка и худа, что на нее жутко было смотреть" [10, с.234]. Аскетический образ жизни, чрезмерное увлечение книжной мудростью стали причиной парадоксальных и на первый взгляд не вполне понятных умозаключений, к которым приходит герой. Так, в письме, написанном накануне выхода из добровольного заключения, которое собственно и спасло ему жизнь, он признается: "Ваши книги дали мне мудрость. <...> Я знаю, что я умнее всех вас" [10, с.235]. Однако уже в следующих размышлениях узник отрицает практически всё – книги, "все блага мира и мудрость" на том основании, что всё рано или поздно исчезнет, канет в Лету. "Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотрет вас с лица земли..." [10, с.235].

Возникает вопрос: почему герой отрицает благотворное влияние книг и книжной мудрости? Смысл письма юриста становится понятен, если учесть тот факт, что оно обращено к банкиру. Именно к данному персонажу адресованы дидактические высказывания узника: "Вы обезумели и идете не по той дороге. Ложь принимаете вы за правду, а безобразие за красоту" [10, с.235]. Влияние книг всё-таки не прошло бесследно: юрист отказался от двух миллионов, покинув место заточения за пять часов до установленного в пари срока. Он поступил так, как никогда бы не поступил банкир. Поступок юриста так взволновал банкира, что "волнение и слезы долго не давали ему уснуть".

"Сказка" Чехова, получившая название "Пари", как и "Без заглавия", также прочитывалась в контексте полемики с идеями позднего Толстого. В частности, Г. Бердников считал данную полемику открытой, указывая на то, что в первой редакции, то есть в варианте, опубликованном в "Новом времени", предпоследней книгой, которую читал узник, был трактат Л. Толстого "В чем моя вера". Исследователь подчёркивал, что в третьей главе рассказа "все толстовские филиппики носят чисто умозрительный характер" [1, с.222-223].

Интерпретация рассказа "Пари" осложняется тем, что в газетном варианте он состоял не из двух, а из трёх частей. При подготовке собрания сочинений Чехов отказался от третьей части. Думается, что сам факт отказа автора от текста, прекрасно написанного, логически выстроенного и являющегося частью целого, наводит на размышления о том, что Чехову

хотелось уйти от каких-то конкретных аналогий, в частности аналогий с Толстым, которые якобы и являлись целью написания произведения.

Рассматривая критику толстовства на страницах "Нового времени", В.Я. Звиняцковский акцентирует внимание на том, что "суворинская газета буквально преследовала писателя". Исследователь приходит к выводу, что в полемике с Толстым Чехов в своих "сказках" "выше суворинных и бурениных" [3, с.14,15].

Третья глава рассказа перекликалась с первой, придавая ей композиционное завершение, и давала ответ на вопрос, почему Чехов в своих письмах называл "Пари" "сказкой" о миллионерах, держащих пари. В её тексте также доминирует стиль притчи и анекдота. "Прошел год. Банкир давал вечер. На этом вечере было много умных людей и велись умные разговоры. Между прочим, шла речь о целях жизни и назначении человека" [10, с.564]. Последнее замечание представляется очень важным, потому что уже первые две части рассказа свидетельствовали о том, что его тема – не пари, оно лишь повод, чтобы поразмышлять о цели жизни и назначении человека. Парадоксальность ситуации, изображённой автором в третьей части, заключается в том, что большинство гостей состояло из очень богатых людей, утверждавших, что они презирают богатство.

В контексте данного фрагмента, очевидно, не случайно звучит мысль о том, что монашеский аскетизм, отречение от жизни ради идеи являются высшим выражением человеческого совершенства. Данная мысль перекликается не только со второй главой рассказа, но и со сказкой "Без заглавия", в которой аскетизм противопоставлен реальному течению жизни. В ней есть намёки и на аскетизм Толстого. Однако Чехов в традиционной для него манере даёт разные точки зрения в связи с затронутой проблемой. Так, по мнению одного из гостей, в отречении от жизни нет ничего похожего на совершенство. Автор вводит в повествование ещё одно действующее лицо – старика-миллионера, соперника банкира по бирже, который и провоцирует хозяина на заключение нового пари, заявив, что он не видел ни одного здорового, сильного и не глупого человека, который бы отказался от миллиона.

"– Держу на три миллиона! – крикнул банкир.

– Согласен! Господа, я ставлю три миллиона!" [10, с.565].

В третьей главе рассказа Чехов предстаёт как мастер диалога. Почти вся она состоит из диалогов гостей, диалога миллионера и банкира, а также диалогов банкира и юриста, явившегося через год, чтобы попросить у банкира хотя бы сто или двести тысяч. Монолог юриста, который называет себя глупцом, потерявшим и пятнадцать лет жизни и два миллиона, который раскаялся в своём поступке, звучит как гимн любви к жизни и отрицание аскетизма: "Солнце так ярко светит! Женщины так обаятельно хороши! Вино так вкусно! Деревья прекрасны! Книги – это слабая тень жизни и эта тень меня обокрала!" [10, с.565].

Концовка третьей главы даёт ещё одну подсказку к разгадке вопроса о том, почему Чехов не включил её в собрание сочинений. Дело не в том, что банкир пообещал юристу – "Завтра вы получите то, что хотите", и не в том, что он проиграл пари. Причина, очевидно, кроется в том, что в тексте дан намёк на возможность преображения банкира, которому после случившегося хотелось заявить, что он "глубоко презирает миллионы, биржу, свободу..." и т.д. Автор снимает подобные заявления, возможно потому, что они могли прочитываться как попытка к назиданию. Подобные финалы не были характерны для поэтики Чехова, поэтому он и оставляет свою "сказку" "Пари" без заключительной третьей части.

В рассказах Чехова "Без заглавия" и "Пари" на первое место выступают элементы притчи и анекдота. И хотя действие указанных произведений напрямую не связано с Рождеством, в их структуре присутствуют некоторые атрибуты данного жанра, в частности, общая установка на занимательность, мотив чудесного, неожиданные финалы, напоминающие розыгрыш.

Рассказ "Сапожник и нечистая сила" по своей структуре, системе образов, языку, тематике тесно связан с жанром фольклорной сказки. Он наиболее близок к жанру

святочного рассказа. Известно, что Чехов был недоволен этим рассказом. В письмах к Суворину от 17 и 23 декабря 1888 г. он признавался, что "должен писать на такую жалкую тему, что совестно", что ему стыдно за этот рассказ, что он послал его Ходекову за 100 рублей [11, с.93, 100]. Оценки подобного рода, очевидно, объяснялись тем, что писатель, не терпевший ничего традиционного, избитого, усматривал черты традиционности в данном рассказе. И хотя Чехов был не очень доволен первой редакцией сказки "Сапожник и нечистая сила", он всё же включил её в собрание сочинений, подвергнув основательной переработке.

В литературоведении наблюдается тенденция рассматривать данную сказку, с одной стороны, как "толстовскую" (Г. П. Бердников), с другой – как пародию на толстовские притчи (В. Я. Звизняцкий) [1, с.222; 3, с.15].

Действие произведения происходит ночью накануне Рождества, в нём присутствует мотив чудесного и представитель нечистой силы – бес. Данному рассказу, как и другим "сказкам" Чехова, присуща парадоксальность. В то же время нельзя сказать, что рассказ "Сапожник и нечистая сила" является образцом жанра святочного рассказа. Как правило, традиционный рождественский рассказ имеет светлый и радостный финал. В рассказе "Сапожник и нечистая сила" нет приподнятого новогоднего настроения, отсутствует ощущение праздника. Зимние пейзажи подчёркивают общую минорную тональность: "Шел мелкий, жёсткий снег, коловший лицо, как иголками. Было холодно, слизко, темно..." [10, с.223]. На самом деле в развитии действия никакого чуда не происходит. Чудесное происшествие оказывается всего лишь сном, но и во сне исполнение заветного желания сапожника – стать богатым – не приносит ему счастья. Проснувшись, герой был рад, что сон закончился и чувствовал себя при этом ещё менее счастливым, разочарованным, лишенным иллюзий и желаний. Н.А. Никипелова замечает, что "по логике сюжета "лукавые помыслы" Федора Нилова сами исполнены "нечистой силы" и ведут его к искушению". В шуточной, пародийной форме в рассказе возникает тема "двойника", тема другой жизни" [6, с.33]. Финал рассказа, с одной стороны, носит примирительный характер – "богатым и бедным одинаково дурно", а с другой – звучит довольно пессимистически: "...а в общем всех ждет одно и то же, одна могила, и в жизни нет ничего такого, за что бы можно было бы отдать нечистому хотя бы малую часть своей души" [10, с.238].

Используя мотивы рождественского рассказа, Чехов во многом отходит от его традиционной структуры. По мнению Е.В. Душечкиной, в разработке "антирождественских" мотивов писатель ищет новые пути развития святочного жанра, "использование которых имело целью показать несоответствие сути праздника безжалостной реальности жизни" [2, с.225]. Противопоставление, заявленное в названии сказки Чехова "Сапожник и нечистая сила", ассоциируется с оппозицией, изображённой Гоголем в повести "Ночь перед Рождеством": кузнец Вакула и нечистая сила, а точнее – чёрт. Однако чеховский сапожник – своеобразная пародия на романтического героя гоголевской повести, для которого главное в жизни – любовь к Оксане, ради которой он готов продать душу чёрту. Сапожник из сказки Чехова продаёт душу нечистому по другой причине – ради денег.

Оба произведения – "Сапожник и нечистая сила" и "Пари" – были написаны Чеховым за короткое время, в течение одного месяца. Их объединяют мотив сделки-пари, в результате которой никто не выигрывает, а также тема денег, богатства, которое не приносит счастья.

Все три "сказки" Чехова связаны с поисками героями не только счастья, но и смысла жизни. "Тема смысла жизни <...> придает святочному рассказу характер притчи. При этом назидательность, которая присуща притче, уходит у Чехова в подтекст, растворяется в свободном от всяческого догматизма смехе анекдота", – замечает А.С. Собенников [7]. В отличие от традиционного святочного рассказа или рождественской повести, мотив чуда, характерный для данных жанров, присутствует в вышеназванных произведениях в подтексте или пародируется автором. Обратившись к традиционному жанру святочного рассказа, Чехов не только пародирует отдельные его элементы, но и обновляет его структуру.

И.Н. Сухих относит "сказки" "Сапожник и нечистая сила" и "Пари" к числу притч, связанных с традицией святочного рассказа [13, с.233]. Заметим, что в XIX веке термины "рождественский" и "святочный" употреблялись как синонимы. При этом следует учитывать, что рождественский рассказ имеет литературно-письменное (западноевропейское) происхождение, а святочный рассказ – наследник устного фольклорного жанра.

"Сказки" Чехова "Без заглавия", "Сапожник и нечистая сила", "Пари", написанные для новогодних газетных выпусков, связаны с традициями популярного в то время жанра святочного рассказа. Большую роль в их художественной структуре играют элементы литературной сказки, притчи и анекдота.

Литература:

1. Бердников Г.П. Чехов. Идеиные и творческие искания. – М.–Л.: ГИХЛ, 1961. – 506 с.
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 256 с.
3. Звизняцкий В.Г. "Сказки" А.П. Чехова и критика толстовства // Русский язык и литература в школах УССР. – 1980. – №1. – С.13–16.
4. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 261 с.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 2 т. – Т.2. – М.: Правда, 1990. – С. 455–589.
6. Никипелова Н.А. Сюжет рождественского рассказа в художественной системе А.П. Чехова ("Сапожник и нечистая сила" и "Пари") // Поэтический мир Чехова: Сб. науч. трудов. – Волгоград: ВГПИ им А.С.Серафимовича, 1985. – С.31–37.
7. Собенников. А. Чехов и христианство: Учебное пособие. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2001 г. // www.slovo.isu.ru/chekhov_christ.html
8. Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 492 с.
9. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1977. – Т.6. Сочинения. – 735 с.
10. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1977. – Т.7. Сочинения. – 734 с.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1976. – Т.3. Письма. – 573 с.
12. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1976. – Т.8. Письма. – 711 с.
13. Эйхенбаум Б.М. О Чехове // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Сб. статей. / Сост. Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Худож. лит., 1986. – С.224–237.

Анотація

В. МАЦАПУРА, Л. МАЦАПУРА. ПОЕТИКА ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ "КАЗОК" ЧЕХОВА ("БЕЗ ЗАГЛАВІЯ", "ПАРИ", "САПОЖНИК И НЕЧИСТАЯ СИЛА")

У статті аналізуються особливості художньої структури, проблематика "казок" Чехова "Без заглавия", "Пари", "Сапожник и нечистая сила", уточнюється їх жанрова природа, визначаються особливості авторського задуму. Зокрема, акцентується думка про те, що у вказаних творах автор поновлює структуру традиційного святочного оповідання і пародіює окремі його елементи.

Ключові слова: оповідання, казка, автор, структура, традиція, тема, жанр, інтерпретація, притча, пародія.

Аннотация

В. МАЦАПУРА, Л. МАЦАПУРА. ПОЭТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ "СКАЗОК" ЧЕХОВА ("БЕЗ ЗАГЛАВІЯ", "ПАРИ", "САПОЖНИК И НЕЧИСТАЯ СИЛА")

В статье анализируются особенности художественной структуры, проблематика "сказок" Чехова "Без заглавия", "Пари", "Сапожник и нечистая сила", уточняется их

жанровая природа, определяются особенности авторского замысла. В частности, акцентируется мысль о том, что в указанных произведениях автор обновляет структуру традиционного святочного рассказа и пародирует отдельные его элементы.

Ключевые слова: рассказ, сказка, автор, структура, традиция, тема, жанр, интерпретация, притча, пародия.

Summary

V. MATSAPURA, L. MATSAPURA. POETICS AND INTERPRETATION OF CHEKHOV'S "TALES" ("WITHOUT TITLE", "BET", "SHOEMAKER AND THE EVIL SPIRIT")

In the article peculiarities of genre structure and the main problems of Chekhov's tales "Without title", "Bet", "Shoemaker and the Evil Spirit" are analyzed, their genre is specified, peculiarities of the author's concept are defined. In particular, the idea that the author is renewing the structure of the traditional Christmas story and is making a parody of its particular elements in noted works is emphasized in the research.

Key words: story, tale, author, structure, tradition, theme, genre, interpretation, parable, parody.